

Долговекий мастер

Мы читали Бажова в СССР, будучи самой читающей страной мира, и в перестроечное время, когда стало не до книг. Он и сегодня для уральцев – «наше всё»

Наследие Павла БАЖОВА вошло в финальный список претендентов на народное звание «Достоинство Среднего Урала». Иначе не могло и быть. В литературном творчестве он пришел к своему главному жанру – сказу – в 57 лет (иные уже подводят итоги). За полтора десятилетия написал 55 сказов. Всего-то. Но стал для Урала исключительной личностью, из разряда «наше всё». Вроде и изучен вдоль и поперек: на одну страницу сказов – 20 страниц исследований. Некоторые пытаются даже преуспеть в повторении жанра, пишут «новые сказы». Всё не то. Филологи утверждают: феномен Бажова остается загадкой. Не только жанр – сам процесс творчества.

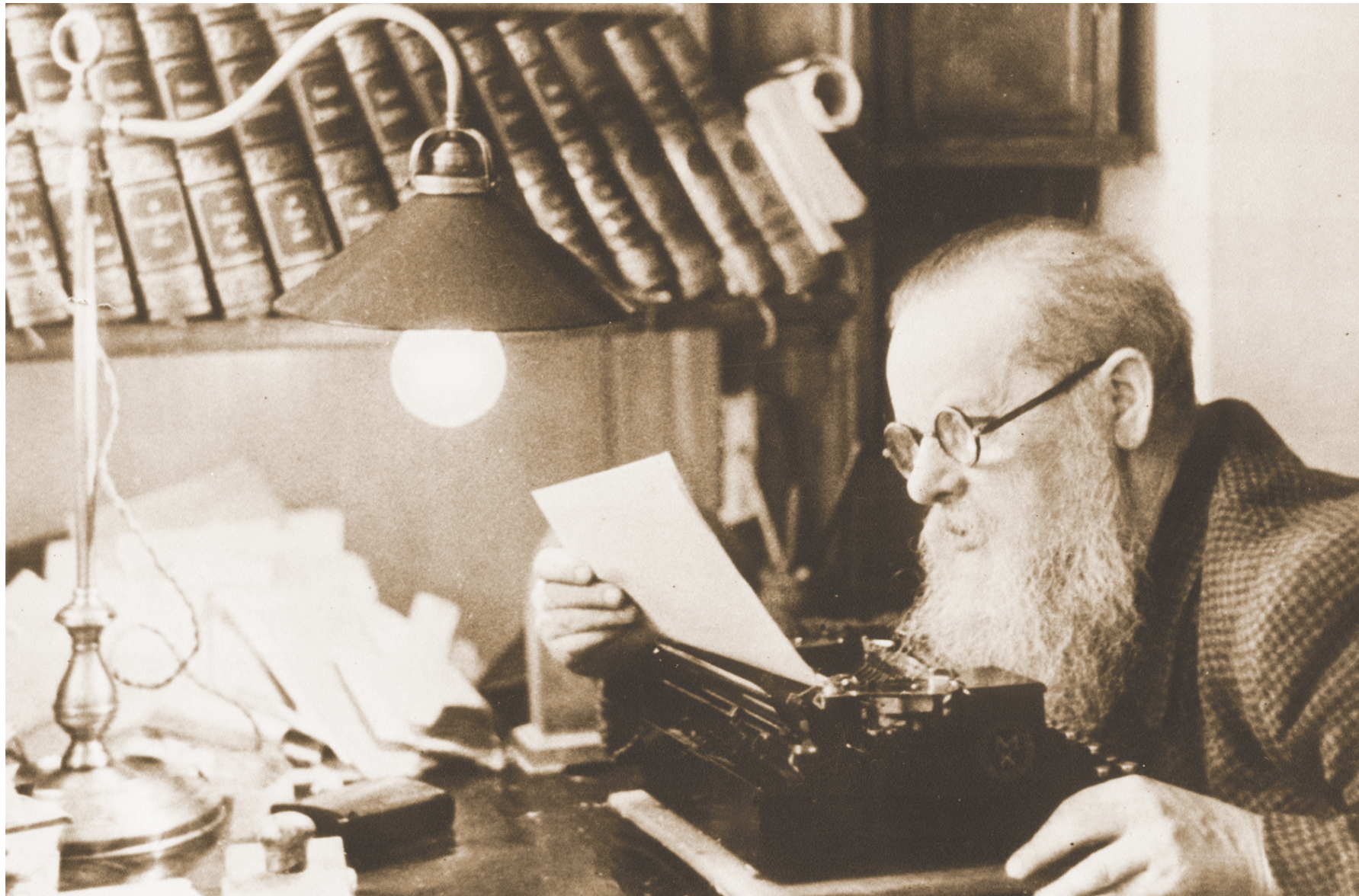
«Не утруждая ни глаз, ни зада, за счет «голого таланта» – не выходит»

В Доме-музее Бажова в Екатеринбурге среди реликвий – конторка, за которой частенько работал Павел Петрович. Ей лет 150. Доставшаяся Бажову от отца, она стоит напротив входа в дом, сюда же – выход из всех комнат. «Копашье место», – улыбаются в музее, – всё и всех видно, а в доме иногда жило до 11 человек». Развешивая миф о необходимости писателю тишине и уединенности, Бажов любил работать именно в таких условиях. В других не работало. Странно. Любопытно. Но это – внешнее. А как с остальными?

Он говорил о себе: «Работа у меня ювелирная». Не в смысле «дорого стоит», а в смысле – мелкая, кропотливая. Сказку страниц по десять, а на небольшом пространстве каждая мелочь играет роль. Поэтому делал да переделывал, писал да переписывал. Среднестатистически на сказ уходило полгода. Да, иные из них родились-выносились и в несколько недель, зато «Ермаковы лебеди», сказ в семь-восемь страниц, он писал два года. Известны девять прижизненных изданий бажовских сказов, и все (!) они опичаются друг от друга. Процесс доделки, улучшения сказа шел до тех пор, пока... можно было улучшить, «совершенствовать огранку». Сюжета. Стиля. Слова.

Этой тростниковой ручкой были написаны все сказы первого издания «Малахитовой шкатулки». Бажов смастерил её сам, привезав шпатель и пилу.

Обязательным условием мастерства считал знание жизни. До буквального. В одном из писем сохранилось: «На мой взгляд, писателю интереснее и полезнее жить бок о бок с представителями любых профессий, но не своей».

Филологи заметили: фольклорные экспедиции нынче – проблема, нет-нет да иная бабушка вместо реальных преданий старины глубокой начинает пересказывать сюжет бажовского сказа. Настолько написанное Бажовым, созданное им за письменным столом, вошло в народное сознание...

Во-первых, гарантия от кастовой замкнутости, во-вторых, обогащение теми деталями, которые увидишь при встрече вне своего бытового окружения. А ведь это и есть то самое, по чему давно скучает литература. И тогда, видать, скучала! На этом основании похваливал Бориса Житкова, сумевшего опозитизировать (знание жизни!) такую малопривлекательную профессию, как разносчик почты.

А сколько «опозитизировал» (воспользуясь его же словом) сам Бажов?! Плыбу горнозаводского фольклора: места, людей, профессии, предания. При этом, по мнению филологов: если крестьянскому фольклору, аграрным сюжетам тысячи лет, всё вычищено-отработано, то горнозаводской фольклор молод, ему около 300 лет, он еще не устоялся («недосоленные огурцы» – образное выражение директора бажовского дома-музея Георгия Григорьева). Павлу Петровичу черпать из него и создавать его приходилось, по сути, «на новенького». Отсюда его манера вынашивания текста: многочисленные блокноты, которые всегда были при себе, сидение в архивах, работа с домашней картотекой (выражения типа «напрочта-письма», «косоплетки плести», «пригрезника», «сойкать», «шмыгалю» он здесь хранил-сберегал до того, как они пригодились в сказе). По воспоминаниям другого уральского классика Евгения Пермяка, Бажову для создания сказа необходимы были три стадии: сначала вынашивал в голове, потом – проверял на слушателя (в этой роли нередко и оказывался Пермяк) и только после этого – запись, шрифтовка сказа на бумаге.

О тех же, кто норовил в литературе прошмыгнуть наскоро и без каторжного труда, Бажов говорил: «Перелю-

пачивают что полечега, а копнуть боятся и не хотят. И получается не лучше того, что мне как-то предлагал покойный профессор Н. Н. У него была диссертация на тему «История о Пугачёвском бунте». – «Материалу у меня много, а вы марксистского соуса прибавьте и там всяких пейзажей». Так ведь Н. Н. был старик и профессор богословия! С него не выщипешь. А когда такое же почти видишь в историческом романе, становишься не по себе. Хотят всего достичь, не утруждая ни глаз, ни зада – за счет «голого таланта», а не выходит». И приводит в пример Пушкина: «Разве наш национальный гений не поразилен и своей трудоспособностью? Работая над историческим романом, он не только месяцами сидит в архиве, но и едет на Урал. Это не на самолете и даже не в вагоне, а на перекладных. Попробуйте представить, что кто-нибудь из наших современников проделал адекватный труд. Да он бы написал несколько томов своих дорожных впечатлений, десятка два рассказов, два романа, четыре пьесы, пять сценариев, один малоформатный сборник (видимо, малоформатный). – И. К., а у Пушкина все это вошло частично в «Капитанскую дочку» да в отдельные строки стихов. Вот и выходит густо».

Такое отношение («работа – штука долговекая») Бажов культивировал и в сказах. Если, как считают филологи, у каждого фольклорного жанра своя социальная функция, то сказы – что-то вроде «института заводских стариков». С моралью, положительной программой. И – без хеппи-энда. Его нет ни в одном сказе. Тоже – мораль. В «Серебряном копытце» Дарёнка и Кочоявня пожили на чудом обретенные камешки всего несколько зим, а чудо-козел «потешил раз – и будет».

В музее хранятся и рецепты на очки, выписанные Бажову. + 10. Дикая дальновзоркость. Ма есть писать и читать сму было сложнее всего

«Представляете глубину шурфа?»

Бажов стал хрестоматийным автором, получил мировую известность благодаря «Уральским сказам». Если шире – благодаря теме Урала. Такие его произведения, как «Пять ступеней коллективизации», «Бойцы первого призыва: К истории Полка красных орлов», даже «Зеленая кобылка» – на обочине читательского внимания. А «Малахитовая шкатулка» – да, на диво всему миру. Он не написал роман об Урале (хотя, говорят, планы такие были, а Федор Гладков отмечал: «Если бы Павлу Петровичу позволили написать историческую эпопею за два века, это была бы настоящая библия Урала»). Почему не написал? Отчасти потому, что не любил большой жанр. «Не люблю длинных вещей», – признавался. – Мне кажется, они похожи на товарный поезд. Первый десяток вагонов при встрече пропускаешь с удовольствием, с любопытством, дальше полоса безраз-

личия, а еще дальше думаешь, когда же это кончится. То ли дело коротышка...»

Но полагаю: дело не в любви. На большой жанр у Павла Петровича, при его-то депутатской занятости и руководящих обязанностях в писательском союзе, просто не хватало времени. А он был дотошный автор. В теме Урала – особенно. По воспоминаниям современников, в доме была богатая библиотека по Уралу. Главным образом краеведческая. Он сам постоянно обращался к этому справочному багажу. И читателей по возможности старался просвещать – и в своих сказах, и будучи редактором книг других авторов. С присущей ему любовью к слову, пристраивая к точности сопроводил их «объяснением некоторых непонятных слов»: Начал – у старообрядцев обряд с определенным числом молитв и поклонов. «Начал большой кладет, а денеж рабочим не платит»; Слатимый (в уральском говоре) – сладкий, сочный, вкусный; Фалетур (правильно форейтор) – передовой (выносной) вершинок, при запряжке четверкой или шестеркой.

Не всё «из уральского» стоило объяснять. Важно было писать так, чтоб объяснять и не было необходимо. И уж тем более – не промахнуться, не наврать, не перелернуть в слове по отношению к факту. В истории жизни Бажова сохранился случай. Пришли к нему два автора – представить на суд прочель свою пьесу. Читая. Павел Петрович сидит, опершись на трость, время от времени сердито похрапывает. Едва закончилось чтение, спросил: «Вот у вас герой пьесы падает в шурф и тотчас же произносит монолог. А представляете вы глубину шурфа?»

Он, любивший Урал, был непримиримо взыскателен

и к провинциальному лжепатриотизму, едко задевал тех, кто не к месту напирал на исключительность Урала. В 1948 году проходила Межобластная конференция писателей Урала. Павел Петрович выступил на ней:

– У нас очень часто слышны такие понятия, как «уральский язык», «уральский говор», «уральские обычаи», даже «уральский характер». Урал, товарищи, не удельное княжество и никогда им не был. Разрешите мне по-стариковски опереться на костылек живых примеров, что мне поможет пояснить свою точку зрения на это.

И привел пример: из 140 слов, выданных за «уральские», 138 оказались в словаре Даля и только два не встретились там.

– Это говорит о том, что так называемый уральский язык есть смесь различных говоров единого русского языка. Точнее надо быть...

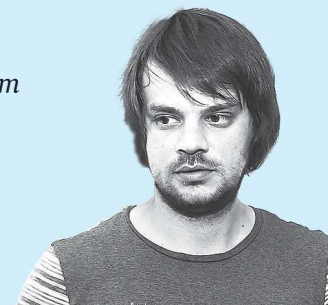
«Виноград и... капустный листок»

Биографы Бажова свидетельствуют: писатель очень недоволен был своими историко-революционными произведениями. Художник всем своим существом, он стремился к образному описанию событий. В документальном жанре не получалось. А он считал: даже история под его пером должна была оживать «в лицах, в красках, в действии».

В художественных произведениях и вовсе был щебетлив. Самый известный пример – «Каменный цветок» сушествует в нескольких вариантах, а у первого варианта – пять черновигов. И это еще не дошло до так называемого «беловика». Ничего себе перфекционизм?! По разным источникам известно: работа над сказами, просиживая

– Бажов всегда подчеркивал свою писательскую зависимость от фольклора. Отсюда – его бесконечные блокноты, работа с картотекой: 99 процентов слов из его сказов, которые читателям иногда кажутся придуманными, – реальные слова из реальных мест. Вообще, чтобы понять его работу, ее масштаб и глубину – положите перед собой 7-томный Словарь говоров Среднего Урала, только – в беспорядочно разобранном виде. Вот с этим он работал... Возможно, оттого и возраст в 57 лет, когда он пришел к главному труду своей жизни. Кто из молодых осилит такое?

Георгий ГРИГОРЬЕВ
ученый секретарь Объединенного музея писателей Урала, директор Дома-музея П. П. Бажова

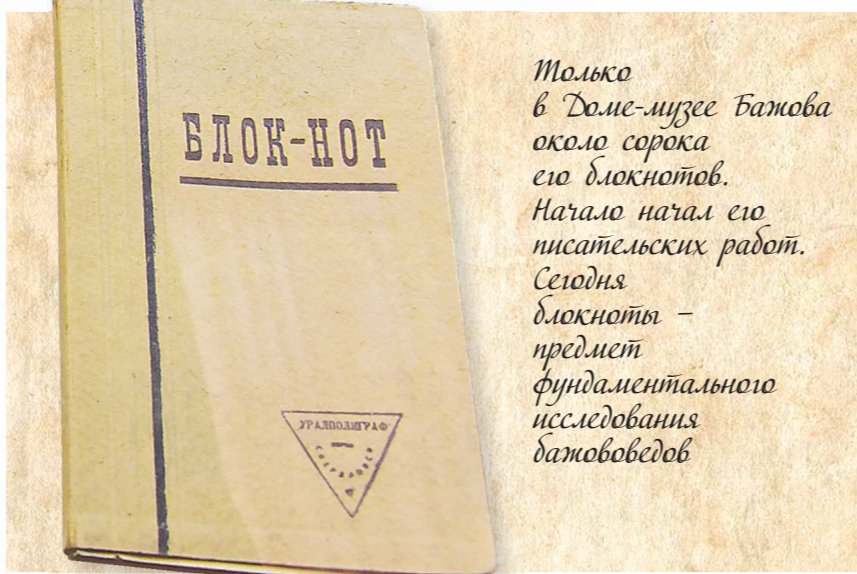
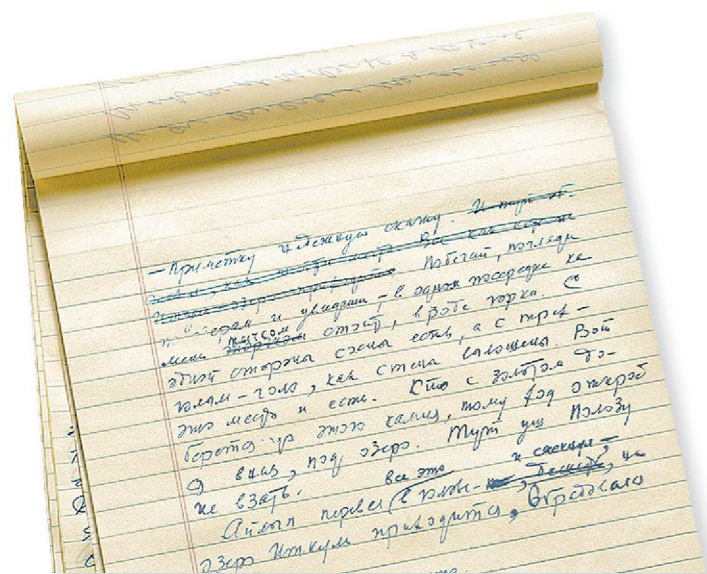
подолгу над отдельными абзацами, Бажов, не найдя лишь одного (!) нужного слова, считал сказ незаконченным и не отдавал его в печать настоящим редакциям. Слово, частность, подробность были патологически важны для него. Говоря о значимости детали, однажды привел такой пример: «К знаменитому скульптору Родену ученик принес сделанную им статую фавна. Работа была выполнена безупречно, но все-таки чего-то не доставало. Всё правильно, а жизни нет. Роден посмотрел на статую, молча взял молоток и... вышиб у фавна один зуб. Статуя сразу ожила... То же и в литературе. Другой раз самой

Бажов не выискал из рук старую, прокуренную трубку. Посасывал, затихивался. Но она была пуста: брали запретили курить. Может, сму так лучше думалось?

мелочишки недостает, а она-то и решает все, делая произведение художественным... В искусстве «чуть-чуть» много значит».

Вот почему Бажов с сомнением относился к творческим заявкам, необходимым для заключения договора писателя с издателем. Мало ли что и насколько может поменяться в процессе создания произведения! «Мне все кажется, что план в художественном произведении очень немногочислен. Может быть, это чередная ересь, но себя постоянно ловлю на том, что даже основная мысль не укладывается так, как вначале предполагалась».

Он долго отказывался от пишущей машинки: «Представьте, Пушкин негатает «Я полною губное мгноенье...» Но подступала слепота. Машинка позволила работать без напряжения зрения»

ешь. Назовешь, скажем, проходящий персонаж Михай Кончина – это тебя обязывает к одному, назови его Яша Кочеток – надо представить дело совсем по-другому. Камнерезы, по-моему, были правы, когда говорили: «Хочу вырезать виноградную ветку, а может, капустный листок выйдет». Неожиданность поворотов в зависимости от деталей настолько существенна, что любая заявка кажется только первоначальным намерением. Литературоведы это, конечно, разобьют вдребезги, но ведь не возвращаются и покусничать в домашнем порядке...»

Ничего себе кустарная работа! «Неожиданность поворотов в зависимости от деталей...» Подробности могла изменить и сюжетную линию, и финал, и атмосферу. Иногда она становилась коронной фишкой, знакомым словом. Бажовским неологизмом. Но для этого нельзя было останавливаться на первых словах, что легли под перо. Молодой литераторам Бажов часто говорил о том, сколь неточны бывают эти «первые» слова. Надо, стало быть, отбирать из многих слов наиболее точные, выигранные, что ярче донести мысль или образ.

– Я как-то десять слов перебрал, а все, гляжу, не те, не подходит. А вот слово «удумал» так и вошло во фразу. Значит, оно-то и было единственным нужным...

Точное и сочное слово. Вкус его столь хорош, что бажовская находка отлично живет-бытует и в XXI веке, не нуждается в дополнительной окраске наречием. «Удумал» – и всё понятно про человека. Кстати, «удумал» с его интонационной окрашенностью сложно переводится на любой иностранный язык, а это только подтверждает его самобытность.

В общем, избрав своими заветными героями горных дел мастеров, Бажов и сам работал над словом как искусный мастер-траншистик. «Ювелирной» работе учил и молодых коллег.

XXX

После того как вышли Бажовская энциклопедия (2007) и Библиографический указатель (2011) с материалами по Бажову за 1913–2010 гг., казалось: о писателе невозможно сказать что-то новое. Но следом был издан уникальный сборник «Павел Петрович Бажов. Письма 1911–1950» с малоизученной, эпистолярной частью наследия писателя и академическое издание «Малахитовой шкатулки», где на каждой полстранице сказов – полстраницы подробнейших комментариев. Но и это не всё. Сегодня уральские бажоведы мечтают подготовить основательное исследование по блокам писателя: только в доме-музее их около сорока. Уверена: сделают. Тогда мы коснемся святой святых писательского мастерства, тридцатерых сказов Бажова. И не только сказов. Нам-то кажется: у Бажова любой сказ как реченька течет, само собой. А тут эволю как непросто...

Ирина КЛЕПИКОВА